УДК 94

Н. О. ПАШКОВ

ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ ОБНОВЛЕНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ БЕЛАРУСИ И РОССИИ В 1925–1927 гг.

Предпринята попытка вскрыть причины угасания обновленческого движения в православии Беларуси и России. Среди прочих предпосылок поражения обновленчества автор называет отсутствие народной поддержки, разрыв между лидерами обновленчества и верующими, чрезмерное проявление лояльности к власти, ниспровержение вековых церковных устоев и традиций, а также целенаправленную антирелигиозную политику Советского государства. Рассматриваются вопросы, связанные с периодом начала обновленческого раскола православной церкви. Анализируется роль большевиков в церковном расколе и вытеснении церкви из социальной, экономической и культурной жизни страны. Описывается реакция патриаршей церкви на обновленческий раскол и действия государства.

Ключевые слова: православие; церковь; обновленческое движение; Беларусь; Россия; духовенство; атеистическая пропаганда; патриархия.

In this paper an attempt is made to discover the causes of the Renovationist movement' extinction in Belarus and Russian Orthodoxy. Among other requirements of the Renovationism defeat author calls the lack of popular support, the gap between the leaders of the Renovationism and the masses of believers, an extreme manifestation of loyalty to the government, the overthrow of the secular foundations of the church and tradition, as well as a targeted anti-religious policy of the Soviet state. The author considers the issues related to the period of the beginning of the split of the orthodox church. The article analyzes the role of the bolsheviks in the church split and dismissal of the church from the social, economic and cultural life of the country. It describes the confrontation of the patriarchal church and the renovationist dissenters and the actions of the state.

Key words: Orthodoxy; church; the Renovationist movement; Belarus; Russia; the clergy; atheist propaganda; Patriarchate.

В газете «Известия» 15 марта 1925 г. был опубликован текст, который вошел в историю российско-белорусского православия как «Завещание патриарха». В нем патриарх призвал верующих: «…не погрешая против нашей веры и церкви, не переделывая чего-либо в них, словом, не допуская никаких компромиссов или уступок в области веры, в гражданском отношении мы должны быть искренними по отношению к советской власти и работе СССР на общее благо, сообразуя распорядок церковной жизни и деятельности с новым государственным строем, осуждая всякое общество с врагами советской власти и явную или тайную агитацию против нее»[1]. До сих пор в исторической науке идут споры относительно авторства этого документа, но, учитывая общее состояние церкви и ее положение в рамках Советского государства, оно в целом выражало позицию руководящих церковных кругов, если не всех, то значительной части.

В день погребения патриарха 12 апреля 1925 г. в Донском монастыре прошло совещание архиереев, на котором было вскрыто и оглашено личное завещание патриарха. В нем указывались лица, которые были избраны патриархом Тихоном в качестве возможных местоблюстителей. Первым среди них был митрополит Казанский и Свияжский Кирилл (Смирнов), вторым – митрополит Ярославский Агафангел (Преображенский), третьим – митрополит Крутицкий Петр (Полянский). В связи с тем что митрополиты Кирилл и Агафангел находились в ссылке, совещание епископов согласилось признать местоблюстителем митрополита Петра. Местоблюститель патриаршего престола Петр о факте занятия данной должности уведомил органы государственной власти и заявил о продолжении курса патриарха Тихона в отношении Советского государства. Хотя переговоры о легализации церкви продолжились, отношения между местоблюстителем и ОГПУ так и не сложились. Власти рассматривали его как человека неблагонадежного.

Обновленцы же с кончиной патриарха связывали надежду на ослабление церкви, поэтому при поддержке центральных и местных органов власти стали усиливать давление на нее. С их стороны увеличился поток обвинений «тихоновцев» в «контрреволюционности», участились случаи захватов храмов. В частности, в Минске в конце февраля – начале марта 1925 г. обновленцы предприняли попытку захвата кафедрального собора, которая удалась благодаря поддержке ОГПУ. Другие взяли курс на объединение с ними.

Между тем в Беларуси в январе – феврале 1925 г. в отношении митрополита Мелхиседека было начато следствие в связи с обвинением его в «контрреволюционной деятельности». Местные партийные органы отправили в Москву проект приговора с предложением расстрелять митрополита, но получили ответ, что это дело потеряло общественную актуальность и высшая мера уже не нужна.

Примерно в это время по просьбе обновленческой группы во главе с В. Пигулевским в Минск приехал епископ Александр (Щербаков). Начинается активизация обновленчества. 8 августа 1925 г. бюро ЦК РКП(б)Б принимает постановление, разрешающее созыв очередного обновленческого собора, а 10 августа начался суд над митрополитом Мелхиседеком, продолжавшийся семь дней. Его обвиняли в «контрреволюционной деятельности», в сотрудничестве с польскими властями и белой эмиграцией. Несмотря на серьезные обвинения, приговор был условным. Кроме того, летом 1925 г. епископы Могилевский Никон (Дегтяренко) и Гомельский Тихон (Шарапов), которые еще в 1922 г. не приняли автономию Белорусской церкви, заняли к митрополиту враждебную позицию. Местоблюститель Петр призвал епископов Никона и Тихона прекратить распрю. Также он обратился и к митрополиту Мелхиседеку и заявил ему о неканоничности его автономии и назвал самочинием присвоение им митрополичьего достоинства, но выражал надежду на способность Мелхиседека решить эту проблему.

Между тем в течение лета 1925 г. в Москве обновленцы готовили собор, который они именовали III Московским поместным собором.

В Могилеве же 12–16 сентября 1925 г. белорусские обновленцы провели Второй Белорусский Церковный собор, в работе которого приняли участие около 80 делегатов. Его возглавил Владимир (Кириллов), имевший титул первосвятителя Белорусской церкви, митрополита Могилевского. Стоит обратить внимание на то, что в исторической литературе существуют разногласия относительно времени пребывания Владимира (Кириллова) на обновленческой Могилевской кафедре – с 1924 или с 1926 г., но используемый нами документ окончательно отвергает второй вариант[2]. Второй Белорусский Церковный собор был полностью проигнорирован Мелхиседеком и его духовенством. В самом начале протокола заседания собора отмечено, что он созван с разрешения Комиссариата внутренних дел БССР от 5 сентября 1925 г. Собор принял текст приветствия ЦИК БССР следующего содержания: «Крепнет могучий Союз С[оветских] С[оциалистических] Республик. "Культурный Запад", объединяясь в большие и в малые конференции, злостно шипит и кует мечи против несокрушимого Колоса, раскрепостившего трудящуюся народную массу, между тем христиане, забывшие заветы Христа, втихомолку учатся у людей, отмежевавшихся от всякой религии, творить Христово дело социального братства. Угнетенные и обделенные всех стран с надеждой смотрят на Российский Союз как на своего вождя. С небольшим год прошел после Первого Белорусского Собора. Открыл сейчас свои деяния Второй Церковный Белорусский Собор. Преклоняясь пред теми достижениями, которые имели СССР за истекшее время, Мы члены Собора счастливы приветствовать нашу родную Белорусскую С[оветскую] С[оциалистическую] Республику, составляющую драгоценную жемчужину в великолепном ожерелье Советского Союза. Как Первый Белорусский Собор, так и настоящий Собор стоит на Платформе Всероссийского Собора 1923 г., благословляет правду Социалистической Революции, разорвал всякие связи с политикой, клеймит позором человеконенавистнические планы капитализма. И за всех обездоленных, спаянных цементом Октябрьской Революции, в религиозных своих задачах навсегда отмежевывается от авантюризма Тихона и Мелхиседека. И помнить, что в свободной Советской стране есть свободная Православная церковь. Да здравствует СССР и БССР!»[3] Большое внимание привлекает стиль документа, почти полностью соответствующий принципам агитации того времени, а также апелляция к собору 1923 г.

В процессе работы участники собора отметили следующее: «Революция в 1917 г. дала миру новое вино и для церковной жизни. Оно еще бродит. Старые мехи лопаются», «Христос был верным другом обездоленных и угнетенных. Октябрьская Революция в силу своих социальных принципов, призвав к власти трудящихся, взяла на свои плечи заботу об этих обездоленных. Безбожники делают Божие дело. Церковь не словами только, но и самою жизнью своих членов должна оправдывать и доказывать справедливость социальной революции»[4]. Опять повторяется идея христианского социализма, а церковь фактически уравнивается с безбожниками, если не сказать, что последние ставятся ей в пример. Она представляется обновленческим духовенством чисто социальным явлением, имеющим только социальные функции, – «церковь трудящихся» в «государстве трудящихся». Также было отмечено: «Для прекращения анархии церковной и происходящих отсюда разделений и настроений в церковной жизни, сознательно или бессознательно поддерживаемых тихоновщиной, Белорусский Собор призывает всех верующих и все органы церковного управления в Белоруссии, начиная от приходских советов, прекратить всякие имевшие место, как в них, так и между ними, недоразумения и тесно и единодушно сплотиться чрез свои епархиальные организации Священного Синода Белорусской Православной Церкви и чрез него быть живыми проводниками в среду малосознательных верующих масс соборных начал церковной жизни»[5]. На соборе были избраны делегаты для участия в Третьем Московском обновленческом соборе, а также была сформирована делегация во главе с митрополитом Могилевским и Белорусским Владимиром (Кирилловым) на планируемый в 1925 г. VIII Вселенский собор. Собор узаконил практику второбрачия священников и также другие постановления Третьего Московского собора 1923 г. Белорусский собор заявил: «Впредь вести корабль Белорусской церковной жизни под знаменем Собора 1923 г.; делегатам же Белорусской Церкви на Третьем Поместном Соборе вменить в обязанность крепко стоять на основе Постановлений Собора 1923 г.»[6].

В храме Христа Спасителя 1 октября 1925 г. состоялось открытие третьего обновленческого собора, в работе которого принял участие представитель патриарха Константинопольского архимандрит Василий (Димопуло). На нем присутствовали 106 обновленческих епископов, 100 обновленческих священников и миряне. Собор избрал синод из 35 обновленческих епископов, священников и мирян. Был избран президиум синода во главе с обновленческим митрополитом Вениамином (Муратовским). Значительную роль во время проведения заседаний собора играл член президиума обновленческого синода Александр Введенский, имевший к этому времени уже титул митрополита Лондонского и всея Европы, а также «митрополита-апологета и благовестника истины Христовой». Введенский выступил с резкой критикой в адрес церкви и местоблюстителя Петра, обвиняя в связях с монархическими центрами за границей. В специальной резолюции собора было записано следующее: «…собор констатирует непрекращающуюся связь тихоновщины с монархистами, грозящую грозными последствиями, и отказывается от мира с верхушкой тихоновщины»[7]. Белорусские делегаты (Алексий (Дьяконов), Александр (Щербаков)) выступили с резким осуждением Мелхиседека. В начале декабря 1925 г. Мелхиседек во время пребывания в Москве был арестован.

Между тем в советской прессе началась широкая кампания по дискредитации местоблюстителя патриаршего престола Петра (Полянского). Предвидя осложнение ситуации, он 5 и 6 декабря 1925 г. издает акты, где указывает на возможных преемников. 10 декабря его арестовывают. 14 декабря митрополит Сергий (Старогородский) заявил, что в соответствии с актами местоблюстителя Петра он вступает в исполнение обязанностей патриаршего местоблюстителя, но сам он именует себя заместителем патриаршего местоблюстителя. Однако под давлением властей митрополит Сергий был вынужден остаться в Нижнем Новгороде.

14 января 1926 г. митрополит Сергий (Старогородский), узнавший из прессы о расколе, обратился с письмом к архиепископу Григорию с требованием распустить ВВЦС как незаконное и самочинное учреждение. В ответном послании архиепископ Григорий предложил Сергию войти в состав ВВЦС и даже возглавить его, но митрополит ответил отказом. 19 января архиепископу Григорию ОГПУ разрешило посетить в тюремной камере местоблюстителя Петра, и он смог его убедить передать на время церковную власть ВВЦС. Узнав это, митрополит Сергий начал переписку с местоблюстителем. 22 апреля митрополит Петр в письме своему заместителю объявил об упразднении ВВЦС. Но архиепископ Григорий и его сторонники не признали этого решения. 11–13 мая 1927 г. они, собравшись в Донском монастыре, приняли постановление о созыве церковного собора, оказавшегося впоследствии малочисленным, а с 1927 г. григорианский раскол, который был лишен широкой поддержки среди духовенства и мирян, фактически сошел на нет.

Новый раскол вполне соответствовал политике советского руководства. Но оно стремилось к дальнейшему ослаблению церкви. С этой целью в начале апреля 1926 г. начальник VI отделения СО ОГПУ Е. А. Тучков лично отправился в Пермь к митрополиту Агафангелу с целью убедить его взять церковное управление на себя. Миссия Тучкова оказалась удачной. 18 апреля 1926 г. митрополит Агафангел в своем послании всему духовенству и мирянам православной церкви, основываясь на завещании патриарха Тихона, заявил, что он является законным местоблюстителем. Между митрополитами Агафангелом и Сергием завязалась переписка. Впоследствии к этому прибавилась переписка и с местоблюстителем Петром. 17 июня 1926 г. митрополит Агафангел отказался от претензий.

С весны 1926 г. делами церкви в Беларуси занимались викарные епископы Иоанн (Пашин), Николай (Шеметилло), Филарет (Раменский). В этих условиях обновленчество стало усиливаться, особенно после приезда обновленческого архиепископа Даниила (Громовенко).

В конце мая 1926 г. в Могилеве состоялся третий обновленческий собор, получивший наименование Третьего Поместного Белорусского Освященного собора. Председательствовал на нем обновленческий архиепископ Иосиф (Кречетович), который во время его проведения был избран митрополитом Белорусским. Также обращает на себя внимание тот факт, что документы собора 1926 г. вносят определенное понимание в вопрос о Владимире (Кириллове): он был руководителем обновленческой белорусской церкви в 1925 г., но в мае 1926 г. кафедру занимал уже Иосиф (Кречетович). В связи с открытием собора из Москвы в Могилев пришло краткое приветствие от обновленческого Священного синода Православной Российской Церкви, в котором митрополит Вениамин (Муратовский) желал собору успешной работы в решении вопросов об устройстве церковного учреждения и в преодолении внутренних раздоров. В самом начале работы собора Иосифом (Кречетовичем) была зачитана справка, выданная канцелярией Могилевской окружной милиции, следующего содержания: «Согласно постановлению НКВД от 12/V за № 5901 разрешено очередное собрание представителей от духовенства и мирян Беларуси»[8]. После было объявлено об открытии собора и зачитано приветствие московского обновленческого синода и патриарха Константинопольского Василия III к участникам. Причем именно он избирается в качестве своего почетного председателя собора. Собравшиеся подтвердили решения Московского собора 1923 г. и Могилевского собора 1925 г., выступили с осуждением «староцерковников».

При всем при этом в качестве причины необходимости объединения православной церкви, а на самом деле присоединения «тихоновцев» к обновленцам назывался рост активности местных греко-католиков. Еще раз было заявлено о лояльности к советской власти: «Да, мы Советскую власть признаем, повинуемся ей, но и только. Мы не угодничаем ей подобно братьям тихоновцам. Вот митрополит Петр в своем послании от 18 июня [19]25 г. пишет: “Повинуйтесь советской власти, да возглашает дух св[ятой] через нее благая церкви своей. Советская власть – это безбожная власть; как же можно говорить, что дух может говорить через безбожников”». Здесь сразу обращает на себя внимание разница в стиле Могилевских соборов: высокопарный стиль в традициях соцреализма на соборе 1925 г. и более спокойный на соборе 1926 г., в 1925 г. безбожники ставятся в пример церкви, а в 1926 г. они разводятся, хотя резко не противопоставляются. Более того, обновленцы обвиняют «староцерковников» в чрезмерной лояльности к власти: «Они привыкли угодничать со времени Союза Церкви с Государством – Церковь находилась в порабощении у Государства и Государственная власть властно вмешивалась в церковные дела, вопреки церковным канонам»[9].

В качестве дополнительного аргумента участники собора провозгласили признание Священного синода Православной Российской Церкви, т. е. московских обновленцев, со стороны патриархов Константинопольского, Александрийского и Иерусалимского, что подтверждается как материалами собора, так и перепиской 1926 г., а позже 1927 г., в частности, с патриархом Иерусалимским Дамианом I и с патриархом

Константинопольским Василием III[10]. После были повторены обвинения в адрес «тихоновцев». Собор также принял решение создать в восточной Белоруссии ряд новых кафедр, рассмотрел вопросы по организации епархиальных и благочинных управлений, приходов и сестричеств.

На лето 1926 г. пришелся рост репрессий против ряда священников «тихоновской церкви», и в то же время усилилась активность обновленческого архиепископа Даниила (Громовенко). Но это не влияло на популярность обновленчества: его социальная база оставалась узкой. Белорусские обновленцы с целью укрепления собственной позиции, а также для ослабления влияния «староцерковников» пошли на дальнейшее расширение контактов с восточными патриархами. 25 августа 1926 г. было отправлено письмо на имя патриарха Иерусалимского Дамиана следующего содержания: «Пленум Белорусского Священного Синода, возглавляющий Белорусскую Церковь, которая пролила много своей крови и слез за родное Православие в вековой борьбе с поляками, насильственно принуждавших православных белорусов к унии с Римом, с великой радостью заслушал грамоту Вашего Святейшества от 9 июля 1926 г. за № 444 Священного Синода Российской Православной Церкви. Ваше одобрение основной линии деятельности Российского Священного Синода, направленной к сохранению во всей нерушимости исполнения основ вселенского православия, при невмешательстве в политическую жизнь. Ваше признание положения нашей Российской церкви после произошедшей в нашем отечестве социальной революции благим и справедливым... Неустанно призывающий всех православных белорусов к соборному выяснению разногласий, разделяющих нашу Российскую церковь, и преисполнил нас чувством глубокой благодарности Вашему Святейшеству и воодушевил Белорусский Священный Синод к дальнейшей деятельности в достижении прочного мира и необходимости единения в нашей церкви»[11].

Митрополит Сергий (Старогородский) 10 июня 1926 г. подал заявление в НКВД с просьбой о легализации церковного управления. Митрополит уверял власти в лояльности церковного управления и подведомственного ему духовенства. В просьбе было отказано. Осенью 1926 г. среди епископов обсуждалась возможность тайного избрания патриарха. Это было вызвано, с одной стороны, невозможностью созыва церковного собора, а с другой – объективной необходимостью иметь руководящий центр в лице патриарха. Была намечена кандидатура митрополита Казанского Кирилла (Смирнова), который, во-первых, был приоритетным кандидатом в местоблюстители, а во-вторых, его тюремный срок уже подходил к концу.

К ноябрю 1926 г. было собрано 72 подписи в пользу митрополита Кирилла. За ходом выборов с самого начала следило ОГПУ. Вскоре сборщики подписей были схвачены. Начались аресты епископов. В частности, были арестованы митрополит Кирилл и епископ Павлин. А 30 ноября по обвинению в связи с иммиграцией был арестован митрополит Сергий. На церковном посту его последовательно замещали митрополит Иосиф (Петровых) и архиепископ Углический Серафим (Самойлович). 27 марта 1927 г. митрополит Сергий был выпущен на свободу. 13 мая им было проведено совещание с епископами, в результате которого было принято решение о создании Временного Патриаршего Священного синода. В августе 1927 г. он был зарегистрирован властями.

Факт легализации высшего церковного управления дал повод патриархам Иерусалимскому Дамиану I и Антиохийскому Григорию IV отправить послание митрополиту Сергию с благословением ему и его синоду и с признанием его временным главой Русской православной церкви. В декабре 1927 г. к заместителю патриаршего местоблюстителя обратился патриарх Константинопольский Василий III с посланием, в котором он признал митрополита Сергия как временного главу русской церкви и синода. Также патриарх Константинопольский призвал к примирению с обновленцами ради восстановления единства церкви. Такую же позицию занял и патриарх Иерусалимский.

Первое заседание синода состоялось 25 мая. Началась работа по организации церковной власти на местах. 29 июля 1927 г. вышло Послание пастырям и пастве, получившее в истории наименование «Декларация 1927 года». В документе отмечалось следующее: «Православная церковь в Союзе имеет не только каноническое, но и по гражданским законам вполне легальное центральное управление… Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой – наши радости, а неудачи – наши неудачи»[12]. В заключительной части послания говорилось о неотложной необходимости подготовки Поместного собора.

Легализация церковной организации со стороны советской власти требовала выполнения определенных условий: по указанию властей следовало увольнять на покой сосланных и заключенных епископов, перемещать на далекие кафедры выпущенных на свободу. Реализация этих условий вызывала протесты со стороны духовенства, но, понимая реальные обстоятельства церковной жизни, оно не шло на крайние меры[13].

В целом Декларация 1927 года разделила духовенство и мирян на тех, кто согласился с ним, и тех, кто высказался против. Значительное большинство составляла именно первая группа.

Декларация оказала влияние и на церковь Беларуси. Местные власти еще в начале 1927 г. вынашивали планы провозглашения автокефалии с целью ослабления патриаршей церкви. 21 июня вышла Декларация Белорусского православного духовенства (староцерковников-автокефалистов) г. Минска и его окрестностей, где четко была выражена эта идея. Ее официальное провозглашение состоялось на Белорусском епархиальном съезде духовенства и мирян, прошедшем в Минске 9–10 августа 1927 г. под председательством епископа Филарета (Раменского). Собор принял решение о создании

епархиального управления, о формировании местных органов церковного управления. Также собор заявил о своей лояльности к советской власти. В качестве главы автокефальной церкви собор определил митрополита Мелхиседека (Паевского) и принял ходатайство в ЦИК БССР с просьбой о его возвращении. Заместитель местоблюстителя патриаршего престола Сергий (Страгородский), узнав об этом событии, запретил в служении епископа Филарета (Раменского) и его духовенство.

В августе 1927 г. в Беларусь приехал назначенный Сергием епископ Арсений (Смоленец). Но его миссия оказывается неудачной, и в сентябре он покидает Минск. В октябре Сергием (Старогородским) направляется епископ Павел (Вильковский). Епископу Филарету (Раменскому) для придания автокефалии общебелорусского характера нужно было ее утвердить не только в Минской епархии, но также в Могилевской и Полоцко-Витебской. В связи с этим между автокефалистами и сторонниками заместителя местоблюстителя Сергия началась борьба за белорусские епархии. ОГПУ в этих условиях, с одной стороны, поддерживало автокефалистов, а с другой – проводило аресты духовенства и активных мирян, принадлежащих обеим сторонам. Кроме того, используя эту ситуацию, государственные органы начали передавать храмы обновленцам. В июне 1928 г. обновленцы перевели свой синод из Могилева в Минск. Его председателем стал митрополит Даниил (Громовенко).

На Декларацию 1927 года последовала реакция и обновленческой церкви. Часть епископов и священников, большая часть мирян поддержали ее и начали переходить в «тихоновскую церковь». Обновленческое руководство в своих публичных выступлениях и в церковной печати объявило этот документ актом лицемерия. Александр Введенский, уже общепризнанный лидер обновленчества, выступая на пленуме обновленческого синода в ноябре 1927 г., заявил: «Я боюсь, что это только новая маскировка староцерковничества, новая перелицовка в советского льва, который в самом деле остается белогвардейским общипанным орленком»[14]. На декларацию Сергия отреагировали и белорусские обновленцы. Их синод 2 сентября 1927 г. выпустил следующее воззвание: «“Блюдите, да никтоже Вас прельстит”. С этими словами предостережения Христова обращаем мы свой голос к Вам возлюбленным, ознакомившись с воззванием от 16/29 июля с. г., которое издал в 5000 экземпляров Митрополит Сергий Старогородский для распространения среди верных чад родной нашей Православной Церкви. Ибо соблазнительно это послание. Оно уверяет верующих, что около митрополита Сергия, временно возглавившего Московскую Патриархию, и с несколькими епископами, приглашенными им по личному усмотрению, образовавшего новый Синод, можно и нужно объединиться всем православным… потому что он признает “удары”, направленные в Советский Союз, ударами, направленными в Церковь Божию… потому что, по признанию митрополита Сергия, теперь изменилось отношение власти и Патриархия решительно и беспрерывно становится на путь лояльности. Эти мысли послания действительно уравнивают путь для объединения митрополита Сергия с верными чадами Православной Церкви, еще со времени Собора 1923 года ставшими на путь безоговорочной действительной лояльности к Власти не из-за страха, а по совести, как учит нас апостол... Митрополит Сергий предупредил и всех епископов, всех пастырей и клириков, живущих здесь в России, что им придется или преломить свои общественные взгляды и политические убеждения, или устраниться временно от дел. Но этого всего еще слишком мало, чтоб можно было по совести поверить руководству кораблем церковным, человеку, который столько раз, как митрополит Сергий, менял свои воззвания к церковному народу…»[15] Реакция обновленцев как российских, так и белорусских на Декларацию 1927 года, как видно из документов, по большому счету представляла попытку заверить советскую власть в своей искренней лояльности и верности в отличие от «староцерковников».

Тем временем, несмотря на титаническую работу, которая была проделана митрополитом Сергием и его окружением для нормализации отношения с государством, в самом советском руководстве происходили значительные изменения, не сулившие церкви ничего хорошего. В партийном руководстве постепенно в процессе политической борьбы усиливалась группа, представленная И. В. Сталиным, Н. И. Бухариным, Е. М. Ярославским и В. М. Молотовым, которая выступала за жесткую антирелигиозную политику. Стал намечаться переход от внеконфессионального государства к атеистическому[16].

Таким образом, проанализировав историческое развитие обновленчества в период 1925–1927 гг. в Беларуси и России, можно резюмировать, что фактическое отсутствие народной поддержки, разрыв между лидерами обновленчества и массами верующих, чрезмерное проявление лояльности к власти, ниспровержение вековых церковных устоев и традиций, акцент на критике оппонентов, а также собственно антирелигиозная политика Советского государства стали причиной провала обновленчества как в Беларуси, так и в России. Причем на территории Беларуси эти черты проявились даже более ярко.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

[1] *Цыпин В.* История русской православной церкви. Синодальный и новейший период 1700–2005. М., 2012. С. 476.
[2] См.: Гос. арх. Респ. Крым. Ф. 540. Оп. 1. № 28.
[3] *Цыпин В.* Указ. соч.
[4] Гос. арх. Респ. Крым. Ф. 540. Оп. 1. № 28.
[5] Гос. арх. Респ. Крым. Ф. 540. Оп.1. № 20. Л. 3, 4, 33.
[6] Гос. арх. Респ. Крым. Ф. 540. Оп. 1. № 30. Л. 3, 5, 7,8.

[7] Там же.
[8] Гос. арх. Респ. Крым. Ф. 540. Оп. 1. № 107.
[9] Там же.
[10] Там же.
[11] *Цыпин В.* Указ. соч.
[12] Там же.
[13] См.: *Головушкин Д. А.* Обновленческое движение в Русской православной церкви в 1905–1925 гг. : дис. … канд. ист. наук : 07.00.03. Ярославль, 2002. С. 184.
[14] Там же.
[15] Гос. арх. Респ. Крым. Ф. 540. Оп. 1. № 28.
[16] См.: *Шкаровский М. В.* Русская Православная церковь в XX веке. М., 2010. С. 204–205.

Поступила в редакцию 11.11.2014.

Никодим Олегович Пашков – аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета БГУ. Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков исторического факультета БГУ В. А. Федосик.

УДК 9.94

А. В. ВОЛЫНЕЦ

СТАТУС ГОРОДОВ ГИВОН И МИЦПА В ПЕРСИДСКОЙ ИУДЕЕ (VI–IV вв. до н. э.)

Рассматривается вопрос статуса городов Мицпа и Гивон в персидской Иудее. На основании библейских и археологических свидетельств установлено, что Мицпа была важным культовым и политическим местом, близким к Иерусалиму. После разрушения последнего Мицпа стала его политическим и административным преемником. Восстановление Иерусалима встретило сопротивление, вероятно, и со стороны элиты Мицпы. Однако официальные лица, близкие к наместнику Заречья, приняли участие в восстановлении городской стены Иерусалима. Подчеркивается значимость людей, принявших участие в восстановлении стены, и опосредованная поддержка наместника Заречья. Основываясь на данных археологических раскопок, следует полагать, что библейская Мицпа находилась на месте современного Неби Самвила, что в 8 км северо-западнее Иерусалима.

Ключевые слова: Нехемья; провинция Иудея; Мицпа; Гивон; Иерусалим; персидский период.

The article is considered on the question of the status of the Mizpah and Gibon cities in the Persian Judah. On the basis of bible and archaeological evidence the following conclusions are drawn: Mizpah was an important cult and political place, close to Jerusalem. After the destruction of the last Mizpah became his political and administrative successor. Rebuilding of Jerusalem probably also met resistance by the Mizpah elite. However, officials close to the governor of the satrapy Beyond the river, took part in the restoration of the city walls of Jerusalem. Comment in Neh. 3:7 was intended to emphasize the importance of the people who took part in the restoration of the walls and on the indirect support of the governor of the satrapy beyond the river. Based on archaeological excavations, it must be assumed that the biblical Mizpah was located on the site of the present Nebi Samvil's place that in 8 km to the northwest of Jerusalem.

Key words: Ezra-Nehemia; province Yehud; Gibon; Mizpah; Jerusalem; Persian period.

Проблема возникновения, статуса и границ провинции Иудея в персидский период является одной из основных в изучении ветхозаветной истории данного времени. Основным письменным источником для нас является ветхозаветная книга Эзры-Нехемьи, которая рассказывает об основных событиях этого периода (важнейших с точки зрения библейского автора). Немаловажными являются археологические свидетельства. Археологические раскопки значительно дополняют письменные источники, хотя их интерпретация зачастую спорная.

Среди исследователей, уделивших этому вопросу наибольшее внимание, следует отметить Картера[1], Эдельман[2], Граббе[3].

Цель работы – определить статус городов Мицпа и Гивон в персидской Иудее.

Для маркировки административных границ провинции Иудея в составе государства Ахеменидов можно использовать список строителей стен Иерусалима (Нех. 3:1–32). Этот список показывает, начальники каких округов принимали участие в строительстве стены, и, соответственно, можно сделать выводы о том, какие территории входили в юрисдикцию наместника Иудеи. Тем не менее остается непроясненным статус городов Мицпа и Гивон.

Согласно книге Иисуса Навина во время завоевания израильтянами Ханаана жители Гивона решили заключить союз с израильскими племенами. Однако совершили это обманом, за что были прокляты: отныне они должны были быть дровосеками и водоносами при народе Израиля. За этот союз на Гивон также ополчились другие цари Ханаана, от которых защитили город израильтяне (Иис. Нав. 9–10). Этот город оказался единственным в Ханаане, который перешел на сторону израильтян путем союза, а не вследствие завоевания (Иис. Нав. 11:19). Гивон относится к колену Биньямина (Иис. Нав. 18:25), а также является одним из городов этого колена, предназначенных для проживания левитов (Иис. Нав. 21:17). Во 2-й книге Царств рассказывается, что гивонитяне стали причиной истребления потомства Саула:

«И был во дни Давида голод три года, год за годом. И вопросил Давид Господа... И сказал Господь: за Шаула это и за этот кровожадный дом, за то, что он умертвил Гивонитян.

И призвал царь Гивонитян, и говорил с ними. *Гивонитяне же (были) не из сынов Исраэйлевых, а из остатка Эморийцев*, и сыны Исраэйлевы поклялись им; но Шаул хотел перебить их в ревности своей за сынов Исраэйлевых и Йеудиных.